

С.А.Козлов

ПИСЬМА В ГАЗЕТУ КАК КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС УЕЗДНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «МСТИНСКАЯ ВОЛНА», 1908—1916)

Начало XX века ознаменовалось активным включением провинциального общества в полемику по вопросам местного самоуправления и частных инициатив. Газета в уездном городе позволила вести диалог не только на уровне хроники, аналитических статей и художественно-публицистических текстов, но и осуществлять коммуникацию напрямую между читателями с помощью писем. В статье рассматриваются различные роли читателей, корреспондента и редактора газеты «Мстинская волна» Боровичского уезда Новгородской губернии, а также наблюдаемые жанры писем. Это явление стало особенным коммуникационным ресурсом, влияющим на жизнь и настроение общества.

Ключевые слова: провинциальная печать, история журналистики, Новгородская губерния, жанры, письма

В начале XX века Новгород начинает утрачивать свою позицию в качестве центра периодической печати, объединяющего всю губернию. Частные газеты активно начинают издаваться в других крупных городах губернии, формируя особенный круг аудитории, заинтересованной в более оперативной и подробной информации на уровне уезда, реализации своего художественного и публицистического потенциала.

Одной из самых продолжительных по изданию и популярных в губернии стала газета «Мстинская волна», выходившая в Боровичах с октября 1908 по конец сентября 1916 года. Боровичи с населением до 20 000 человек — достаточно удаленный от губернского центра, развивался как успешный промышленный город. Появление здесь частного издания, которое спустя четыре месяца начинает выходить не один, а два раза в неделю, показывает сформировавшуюся аудиторию, заинтересованную не только в получении необходимой деловой и рекреационной информации, но и обмене ею на уровне местного сообщества.

Задуманная литературно-общественной, «Мстинская волна» была представлена читателям как издание, которое будет «по мере возможности беспристрастно освещать события, как нашей местной жизни, так и прочей общественной». Редактор Я.Ф.Широков решил, что не будет «подробно вдаваться в политику страны», а также уделять «места для пустых личных интересов» (МВ. 1908. 1 октября). И если вопросы общегосударственные авторы действительно не затрагивали, то интересы редактора, читателей и авторов из числа представителей местной интеллигенции и активных групп, имеющих уездный масштаб, проявились на страницах газеты практически сразу. В «Мстинской волне» активно публиковались ответы читателям (рубрика «Почтовый ящик»), а затем и «Письма в редакцию», перераставшие в читательскую переписку, когда редактор выступал лишь в роли публикатора.

«Все новгородские газеты начала XX века были настроены на тесный диалог с жителями губернии, с публикой, с читателями» [1], — пишет А.Л.Семенова о формах, в которых издания выстраивали отношения с аудиторией. Публикация читательских писем и опровержений, а уж тем более прямой диалог редактора и аудитории — опыт для новгородской периодики на начало XX века сравнительно новый. Прежде в условиях строжайшей цензуры письма воспринимались более в качестве корреспонденции, публиковавшейся как статьи или хроника. Традиции формировали «Новгородские губернские ведомости», официальный орган печати, которые являлись проводником информации, одобренной властью. Но уже в 1906 году с развитием частной периодики в Новгороде переписка читателей и редакции начинает активно проявляться, по большей части, по политическим вопросам (одним из самых ярких примеров можно считать газету «Новгородская неделя» Е.И.Лебедева и А.П.Шумейко) [1, с. 43-45]. Учитывая, что в этой и других новгородских газетах редакторами были налажены устойчивые корреспондентские связи с уездными центрами, в том числе и Боровичами, местные жители были хорошо осведомлены не только об общих, столичных правилах, но и о губернском опыте такого диалога. Отсюда и большое разнообразие подходов, жанров писем в газету, которую демонстрировали читатели «Мстинской волны». При их характеристике мы будем опираться на классификацию, сделанную Е.А.Никишиной на приближенном по времени историческом материале [2].

В первых выпусках газеты перед рубрикой с объявлениями Широков ведет «Почтовый ящик “Мстинской волны”», выполняющий фатическую функцию. Редактору важно создать эффект общения со своими читателями и корреспондентами. Отсюда и название рубрики, подразумевающее переписку с читателями, место, где можно получить обратную связь. В рубрике публикуются краткие, зачастую саркастические ответы авторам на неопубликованную корреспонденцию. Например: «Пока Ваше произведение доехало сюда, оно... испортилось. Возьмите обратно» или «Если присланное гвоздь вашего остроумия, то ох... как он туп» (МВ. 1909. 4 января). И получается, что рядовой читатель, обыватель не выключен из процесса коммуникации, а является полноправным собеседником. Ответы Широков также дает автору из Валдая, где своя газета появится только в 1917 году (сообщение между двумя уездными центрами было более коротким и оживленным, нежели с Новгородом, что может объяснить появление таких писем).

Меткость и конкретность Широкова также позволяет нам сегодня восстановить и тот набор посланий, который поступал в редакцию:

— поддержка газеты («Благодарим за привет и милые пожелания»);

— литературные произведения («"Переполюх" напечатан не будет — стихи слабы», «В вашей сценке нет содержания, не забыли ли вы его дома?»);

— апеллятивные письма-жалобы, наиболее распространенные («Написано мило и литературно, но сквозит личными счетами, — помещено не будет», «Мало ли дам, которые не умеют вести себя в обществе? И какое нам дело до частных столкновений», «Стрелы эти, пускаемые по адресу юных гимназисток, оставьте, г. Стрелок, при себе») (МВ. 1908. 12 октября).

Ироничный тон по отношению к корреспондентам Широков позволяет себе в том случае, если автор скрывается за псевдонимом. Несмотря на категоричность заявления о плохих стихах Ивану Петину, редактор утешает его и предлагает продолжить сотрудничество (впоследствии было опубликовано несколько его фельетонов). Обнажая, таким образом, взаимодействие с читательской аудиторией в первые же недели существования «Мстинской волны», Широков развлекал обывателей шутками над незадавшимися авторами, показывал силу и избирательность печатного органа, серьезность своих издательских намерений в создании качественного содержания и не проявлял открытость. При этом псевдонимы адресантов иногда повторяются спустя несколько месяцев, что свидетельствует о настойчивом желании боровичан и жителей других уездных поселений писать в газету. «Почтовый ящик» дает возможность заключить и то, что Широков, соблюдая пожелания авторов в публикации под псевдонимами, требовал присылать материалы исключительно за подписью. И тогда рубрика служила возможностью связаться с теми, кто обратился в одностороннем порядке: «Шахтерам. Просим кого-либо зайти в редакцию или прислать собственноручную подпись, без подписи автора статья помещена не может быть» (МВ. 1910. 18 февраля).

Но, кроме литературных сочинений, статей и корреспонденции в хроникальном жанре, Широков регулярно публиковал, собственно, письма, складывающиеся нередко в прямой диалог между читателем и редактором, но чаще — читателей друг с другом. Практическая форма такой коммуникации в них выражена преимущественно в экспрессивах. Их основное содержание — опровержение или уточнение сообщенных ранее сведений адресанту как бы напрямую, с обсуждением его личностных и профессиональных качеств. Письма с такими стилистическими особенностями не являлись исключительными и коррелировали с общим тоном большинства публикаций. Но, несмотря на кажущуюся речевую развязность, личностность, темами для переписки становились общественно значимые события.

В 1909 году активность проявляет корреспондент под псевдонимом «Местный оппозиционер». Он ведет хронику общественных событий на станции Веребье. Примечательно, что эта станция Николаевской железной дороги удалена от Боровичей (110 км по трассе) и относилась к Крестецкому уезду, где в 1917 году будут почти последовательно выходить три газеты. Это наблюдение можно отнести к накоплению авторско-издательского потенциала в уездах Новгородской губернии, приведшего к своеобразному буму периодической печати в 1916—1917 годах. Но в начале века только в более крупном промышленном городе частный издатель мог позволить себе газету, допуская при этом местную интеллигенцию до реализации публицистической активности, не сообразуясь с административным делением губернии. «Почтовый ящик» показывает, что недостатка в материалах для публикации Широков не испытывал. Значит, был заинтересован в наиболее широком распространении своей газеты.

Внимание к корреспонденции Местного обозревателя важно и в составе рассматриваемой темы. В одной из хроник он задевает лично местного библиотекаря и общественного деятеля. Хотя общий тон благожелательный — ведётся рассказ о первом народном чтении с применением волшебного фонаря, устройству автор желает «отрешиться от своего самолюбия и пригласить бы себе в помощники читать лекции, хотя учит. жел.-дор. училища» (МВ. 1909. 29 января). Корреспондент скрыл имя героя за инициалами (Ф.Я.Ц.), но тот обнаружил себя в ответе в одном из последующих номеров.

Поскольку письмо Ф.Цветкова составлено по этикету, помещено оно уже было в специальной рубрике «Письма в редакцию». Публикация наглядно демонстрирует специфику коммуникации читателей через газету и распределение ролей ее участников.

Если речевая интенция журналистской корреспонденции направлена на всех читателей газеты, то автор письма обращается в первую очередь к редактору («М. г. господин редактор»). Это естественно не только в рамках делового этикета, но и показывает намерение пишущего воспринимать редактора как третейского судью в предполагаемом споре с корреспондентом. Но поскольку такой вид общения еще достаточно в новинку, и, возможно, под влиянием ироничных ответов Широкова другим адресантам, Цветков усилил свои позиции заявлением: «Согласно статей закона, Вам известных, прошу поместить мой отзыв на сообщение...» (МВ. 1909. 1 марта). Далее он подробно останавливается на фактической ошибке, допущенной Местным оппозиционером. Разъяснение превышает корреспонденцию практически в два раза, но тон его вежливый, сдержанный. Вторая часть посвящена последнему абзацу, где была высказана претензия библиотекарю. И тон письма резко меняется. Цветков обращается напрямую к обидчику, используя риторические фигуры и патетику, приближенную к устному высказыванию: «Отрешиться от самолюбия?! Во-первых, г. местный оппозиционер не понимает, что такое самолюбие, а во-вторых, как пригласить? за деньги? — Ведь Вы, местный оппоз., не будете платить за труды? Или Вы думаете, что учительницы не могут вести самостоятельно чтения? — Думаете, — моя прямая обязанность?!» (МВ. Там же). И не отказывает себе в язвительности, поскольку определенно понимает, что в своем образовании на ступень выше противника: «Вам нужно бы, М.Г., проверить сообщаемое, и тогда писать. Вы пишете — «Бэла из Лермонтова». — Лермонтов то: — книги или сочинение?!»

(МВ. Там же). Справедливости ради стоит отметить, что в оригинальной публикации было напечатано «"Бэла" из Лермонтова» (то есть, кавычки закрыты), что не могло вызвать у читателя двусмысленного понимания. После такой филиппики этикетная формулировка «Примите уверение в совершенном моем к Вам, Милостивый государь, почтении» — читается саркастически.

В ответ Местный оппозиционер написал письмо почти на половину газетной полосы, с обилием цитат из предшествующего текста. Но оппонент из этой цепочки был выключен, впрочем, как и редактор, к которому автор обращался исключительно формально: «Не откажите поместить в Вашей газете настоящее письмо в противовес протесту (отзыв) г. Цветкова из Веребья на мою корреспонденцию...» (МВ. 1909. 12 марта). Комментарии приводятся нумерованным списком, подчеркивающим хладнокровную логичность и обстоятельность, но ирония и сарказм, свойственные корреспонденту, представляются читателям как с трудом сдерживаемые: «Не ясно только для Каткова... виноват, для Цветкова», — пишет Местный оппозиционер и в заключение письма поясняет: «Упомянув в письме по ошибке Каткова, я должен пояснить сходство этого господина с Цветковым следующей сатирой, на половину позаимствованной мною из журнала "Искра"». Она является ответом на эпиграмму, позаимствованную из неизвестного источника Цветковым:

Да он талантливый молодчик,

Его давно я оценил.

Он сочинитель, переводчик

Бумаги, перьев и чернил. (МВ. 1909. 1 марта)

Местный оппозиционер же демонстрирует своё развитие литературной ситуации, помещая сначала оригинал, а потом свое сочинение:

Кто учредил лицей, в котором,

Классическим питаю взором,

Готовят родины сынов?

М.Н.Катков, В.П-в.

Кто хлопотал в Веребье школу?

В нее учителем вошел,

И строгим ока педагогом

Готовит грамотных сынов?

Ф.Ф.Цветков (МВ. 1909. 12 марта)

(В какой из публикаций инициал, указывающий на отчество, приводится с ошибкой, остается невыясненным). В этом письме уездный корреспондент обнаружил умение вести полемику на достойном сознательном уровне, а также высокую образованность и прогрессивность взглядов как читателя «Искры» Курочкиных и согласного с критикой влиятельного консерватора М.Н.Каткова. События более, чем 20-летней давности в уездном масштабе не представляются слишком отдаленными и одновременно могут свидетельствовать о возрасте хотя бы одного из участников переписки. Это мужчина уже вполне солидного возраста, принимающего активное участие в общественной жизни своего поселения. Основываясь на других сатирических заметках Местного оппозиционера, можно заключить, что и Ф.Цветков, имея вес во многих местных общественных предприятиях, в том числе и денежных, не был молодым учителем, с энтузиазмом несущим просветительскую миссию. Спор с корреспондентом «Мстинской волны» он определенно проиграл.

Анализ других писем в редакцию «Мстинской волны», появлявшихся раз в одну-две недели, показывает несколько устойчивых коммуникационных ситуаций. Материалы, помещаемые в этой рубрике — это обязательно протест, опровержение, уточнение фактов, изложенных в напечатанной ранее корреспонденции. Чаще всего негативная оценка личности или деятельности конкретного человека является поводом для написания протеста. Недостоверные или оскорбительные сведения, ставшие достоянием читателей газеты, опровергаются в первую очередь для них, но авторская интенция направлена, в первую очередь, в сторону оппонента. О чем свидетельствуют многочисленные вариации одной и той же претензии — профессионализма корреспондента. Это могло выражаться в упреке по поводу выбора источника информации: «Свою легкомысленную заметку автор начинает словами "говорят, что", полагаю, при сообщении о таком серьезном случае <вспышка азиатской холеры в Боровичах — С.К.> следовало быть более осторожным в выборе источников, а не руководствоваться болтовней» (МВ. 1909. 1 октября). В качестве автора письма выступил и М.Я.Шульгин, на тот момент бывший боровичский голова, купец и общественный деятель. Он опровергал передовицу, в которой были приведены неточности в изложении финансовой операции, приведшей к судебному разбирательству (МВ. 1909. 19 ноября).

При этом ответственность за недостоверное сообщение возлагается в большинстве случаев не на редакцию, а персонально на автора. То есть газета воспринимается не как авторитетный орган, а лишь как канал, обеспечивающий коммуникацию между членами общества. Видимо, осознавая это, в определенные моменты редактор сам включается в процесс общения.

Автор Галунов, в ответ на предыдущую корреспонденцию А.Свиристелева об открытии Общества трезвости при городской церкви, опровергает факт создания другого общества при потребительской лавке (МВ. 1909. 15 октября). И хотя главный публицистический пафос отражает радование автора письма за дело борьбы с алкоголизмом, которое могут погубить грубые и неосторожные слова корреспондента, Широков делает акцент на недостоверности информации. Он проводит собственное расследование и авторитетно заявляет в качестве

редактора-модератора в «Почтовом ящике»: «Г-ну. Свиристелеву. По наведенными нами справкам <...> оказалось, что “Общество трезвости” при потребительской лавке открыто не было <...>» (МВ. 1909. 25 октября). Это еще раз подтверждает, что корреспонденты не являлись сотрудниками редакции, а были третьей стороной, участвующей в коммуникации на страницах газеты. Возражал Широков и авторам писем, причем непосредственно в том же номере, где они были опубликованы, как в случае с письмом епархиального наблюдателя церковных школ П.Спасского, обвинявшего корреспондента в безграмотности (МВ. 1911. 11 марта).

Другим частным случаем активного включения в процесс переписки можно считать письмо некоего читателя «Мстинской волны». Он включается в полемику двух авторов-публицистов по вопросам педагогики и подвергает критике одного из участников. Тексту свойственен едкий, саркастический тон анонима, не сообщаящего ничего принципиально иного по существу вопроса. Читатель занимает позицию комментатора, не обнаруживающего глубины своих знаний, но намекающего на право судить тех, кто «печатно оповещает: “вот смотрите, какой я умный <...>”» (МВ. 1910. 26 августа).

Еще одной устойчивой, но менее интересной в речевом отношении, коммуникационной ситуацией являются апеллятивные письма-жалобы. Представители различных обществ и профессий — любителей наук и изящных искусств, врачей, педагогов, благотворителей — сообщают о недобросовестном исполнении своих обязанностей товарищами и коллегами. На них тоже публикуются письма-оправдания. В результате, используя общественно значимую причину, представители местных сообществ также выясняют личные взаимоотношения. Но из этой цепочки исключен читатель и редактор. Поскольку письмо с жалобой не является журналисткой корреспонденцией, то цель пишущего придать гласности или оправдаться, здесь не требуется разрешение или исправление какой-либо негативной общественной ситуации.

В 1911—1912 годах особенно становятся популярными открытые письма. По своему типу они приближаются к письмам-жалобам, но уже оформлены как прямое общение с адресатом, где газета только канал связи. Это всё те же обвинения и оправдания по разным случаям и общественным ситуациям, вроде ухода с поста городского головы, но они также служат исключительно личным интересам авторов и поднимают общественно важные проблемы лишь косвенно.

Коммуникационный ресурс уездного общества, выходящий за пределы Боровичского уезда, реализовывался в различных жанрах писем в редакцию. Для интеллигенции, представителей деловых кругов и местного самоуправления газета стала возможностью самовыражения и самозащиты в процессе общения на высоком речевом уровне, предъявляемом к публикации в печати. Разнообразные роли участников общения, когда из процесса выключался читатель-подписчик или редактор, их активное вмешательство в коммуникационный процесс и заявление своих прав как модераторов (редактор) или участников (автор и читатель) отразились на страницах частной газеты «Мстинская волна». Печатный орган также воспринимался как средство исправления негативных общественных ситуаций, обмена мнениями и идеями, но еще и позволял вести прямой диалог, комментировать в том оперативном режиме, который давали условия и особенности издательского дела в Боровичах в рассматриваемый период. Газета косвенно отражала тенденцию к формированию массового общества, озабоченного индивидуальным репутацией и формированием или корректировкой имиджа посредством публичного высказывания.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Новгородской области в рамках научного проекта №16-14-53002 РФФИ «Уездные издания в системе печати Новгородской губернии (1837-1917): историко-типологическое исследование».

1. Семенова А.Л. Новгородские газеты начала XX века: формы диалога с читателями // Русская литература и журналистика в движении времени. М., 2016. С. 51.
2. Никишина Е.А. Жанровая классификация писем читателей в газеты // Речевые жанры современного общения / Под ред. А.В.Занаворова. М., 2015. С. 108-110.

References

1. Semenova A.L. Novgorodskie gazety nachala XX veka: formy dialoga s chitateleyami [Novgorod newspapers of the early twentieth century: forms of dialogue with readers]. Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. Moscow, 2016, p. 51.
2. Nikishina E.A. Zhanrovaya klassifikatsiya pisem chitateley v gazety [Genre classification of readers' letters to newspapers]. In: Zavadorov A.V., ed. Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya. Moscow, 2015, pp. 108-110.

Kozlov S.A. Letters to the newspaper as a communication resource of the county society (The Mstinskaya volna, 1908—1916). The beginning of the 20th century was marked by the active participation of provincial society in the debate on local self-government and private initiatives. The newspaper in the county town allowed one to conduct a dialogue not only by means of different types of articles (chronicles, analytical articles, and art-journalistic texts), but also to communicate directly with readers with the help of

letters. Various roles of readers, correspondents, and editors of the newspaper "Mstinskaya Volna" of the Borovichi county of Novgorod Province, as well as the observed genres of letters are explored. This communicative resource affects the life and mood of the society.

Keywords: local press, Novgorod province, history of journalism, genres, letters.

Сведения об авторе. С.А.Козлов — кандидат филологических наук; младший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника; blackgrifon@bk.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 29.12.2017.